

А. И. Тимофеев²

РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Глобализация представляет собой противоречивый процесс. Если рассматривать его в культурно-историческом срезе, то можно выделить две противоположно направленные тенденции. Одна из них состоит в том, что стремительно растет культурно-историческая рефлексия, и многие этносы, жившие по традиции, начинают осознавать себя и поэтому начинают стремиться активно самоопределяться в культурном аспекте в том числе. Противоположная тенденция, очевидно, заключается в унификации. Эта тенденция наглядно видна в одежде, быте, архитектуре и инфраструктуре городов и многом другом. В настоящее время появились довольно многочисленные «граждане мира», которые пытаются жить, не имея корней. Эти две тенденции сложным образом соотносятся.

Когда говорится об отношениях различных культур, то требуется сделать акцент именно на понятии «взаимодействие». Взаимодействие предполагает субъект-субъектное отношение в виде активного действия участников. Здесь важен не только обмен нетождественными языковыми суждениями или образами, но и пример собственного стиля жизнедеятельности, тем более что межкультурные контакты становятся массовыми.

Принятие за основу взаимодействия предполагает, что в нем участвует индивидуальность в широком смысле этого слова, которая стремится проникнуть в другую культуру, а навстречу ей выступает богатство культурных смыслов в виде культурного наследия, образа жизни других людей, различных спосо-

бов отношения к природе. Для понимания своей культуры как раз может помочь восприятие идей и ценностей других культур. Это восприятие обычно более контрастно и противоречиво, чем восприятие привычной собственной культуры, поэтому и дает больше шансов, оттолкнувшись от этого контраста, понять себя. В связи с этим важна не только культурно-историческая определенность как таковая, но и то, как индивид себя отождествляет с этой определенностью.

В теории межкультурной коммуникации для характеристики субъекта коммуникации используется термин «идентичность», который имеет широкий междисциплинарный характер. В концепт этого термина входят три момента: самоидентичность в форме рефлексии, непрерывность пространства и времени собственного существования и личные отношения в форме признанности.

Определенная культурная идентичность связана с разделением на «своих» и «не своих». «Не своя» культура может мыслиться трояким образом: как враждебная, как чужая и как другая.

Враждебная культура — это такая культура, принципы существования которой противостоят принципам своей культуры; здесь складывается устойчивое представление о том, что ценности и обычаи этой культуры представляют угрозу привычному порядку вещей, мировоззренческим устоям, сложившемуся образу жизни в своей культуре. В ней может мыслиться нечто зловещее, несущее угрозу для собственного существования.

Чужая культура — это такая культура, принципы существования которой непонятны. Она может представляться странной, необычной, контрастирующей с обычным и привычным окружением; недоступной для познания, вызывающей чувство недоверия, настороженности.

Другая культура — это такая культура, принципы существования которой понятны. Здесь имеет место

¹ Шехтер Т. Е. Художественное воображение и логика фрактала // Виртуальное пространство культуры : матер. науч. конф., 11–13 апреля 2000 г. СПб. : Санкт-Петербургское филос. общество, 2000. С. 60.

² Заведующий кафедрой гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, доктор философских наук, профессор. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. книг: «Учение о человеке в философии Гегеля», «Становление философской антропологии от Канта до Гегеля» и др.

принятие существования культурных различий, знание особенностей другой культуры, благожелательное к ней отношение, стремление активно усвоить ее ценности и достижения.

Очевидно, что межкультурное взаимодействие возможно только в том случае, когда не своя культура рассматривается как другая, а не как чужая, тем более враждебная.

В последнее время категория «другой» стала объектом активного внимания в области гуманитарных исследований и, по сути, приобрела статус междисциплинарной. С ее помощью ученые стремятся осмыслить идеи диалогизма, высказанные в рамках неклассической философии. Прежде всего, сюда относится идея о «коммуникативном существовании». Главный смысл этой идеи состоит в том, что действительному субъекту нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры собственного существования. «Другой» здесь не является гипостазированной абстракцией — это «действительный Другой». Только во взаимодействии с «действительным Другим» личность может раскрыть для себя смыслы своего собственного бытия.

Традиционная непосредственная обратимость, когда каждая из сторон поочередно была то субъектом, то объектом, заменяется обратимостью взаимодействия, когда субъект, соотносясь с собой, в отношении к другому предполагает, что и другой, соотносясь с собой, также является субъектом. Как в индукторе, так и в реципиенте взаимодействия предполагается способность указывать на себя. Таким образом, возникает идея незаместимости личностей, которые вступают в такое взаимное отношение, поскольку каждый из коммуникативных партнеров обусловлен другим.

Благодаря этому несущей организационно-смысловой конструкцией современной версии межкультурной коммуникации становятся субъект-субъектные отношения в форме взаимодействия. При этом центральная проблема концепции такого взаимодействия конституируется как проблема подлинности коммуникации.

Подлинность коммуникации обеспечивается, если, в свою очередь, в общей идентичности выделяется наряду с моментом культурно-исторической идентичности и момент биографической идентичности. Термин «биографическая идентичность» здесь используется, поскольку в данной теме следует сделать акцент не столько на форме идентичности как самосоотнесенности, сколько на том многообразии содержания сознания, которое каждый отдельный человек отождествляет с самим собой.

Исходя из этого, следует рассмотреть этапы формирования биографической идентичности человека и посмотреть, на каком этапе привычки и навыки лучше всего усваиваются ребенком. Если брать возрастные этапы становления идентичности по Э. Эрикссону, то он в целом выделяет восемь этапов становления идентичности в жизненном цикле человека¹. Следует

обратить внимание на четвертую (6–11 лет) и пятую стадии (11–20 лет). Эрикссон полагает, что на четвертой стадии ребенок активно овладевает различными умениями и одновременно различными символами культуры. Пятая стадия является ключевой для приобретения чувства собственной идентичности.

Если говорить, например, о воспитании толерантности как необходимого для межкультурного взаимодействия качества индивида в указанный возрастной период, то следует отметить, что этот процесс неотделим от нравственного воспитания, и даже более того — предполагает нравственное воспитание как таковое. По сути, толерантность — одна из разновидностей доброжелательного отношения к людям. Тем самым воспитание доброжелательности является условием формирования толерантности, а не наоборот.

Незрелое сознание при большом акценте на воспитание толерантности может запутаться в плюрализме ценностей. Общий тезис «Если нет Бога, то все дозволено» может иметь и такой вид: «Если нет безусловных культурно-исторических смыслов, то все дозволено». Усваиваемые в детском возрасте ценности должны пониматься как безусловные. Таким образом, биографическая идентичность должна формироваться на основе усвоения целостной системы ценностей определенной культурно-исторической идентичности. Не случайно Д. С. Лихачев с такой настойчивостью говорил о необходимости воспитания «нравственной оседлости» человека.

Биографическая идентичность основывается на чувстве непрерывной действительности своего прошлого, настоящего и будущего. В свою очередь, это чувство непрерывности предполагает как определенную ретроспективу, так и определенную временную перспективу. Определенный действительный человек должен знать, что он имеет определенных предков и определенных потомков, как в семейном, так и в социальном аспектах. Это обеспечивает чувство непрерывности его собственной идентичности, поэтому между биографической и историко-культурной идентичностью есть прямая связь. Тем самым совершенно обосновано требование, чтобы между становлением биографической идентичности и усвоением смыслов культурно-исторической идентичности не было противоречий. Через культурно-историческую идентичность задается биографический этос действий. Таким образом, совершенно определенно можно сказать, что межкультурная толерантность должна воспитываться на нравственных основах определенной культурно-исторической идентичности. Исходя из этого, формирование определенной культурно-исторической идентичности подрастающего поколения должно несколько опережать по времени воспитание межкультурной толерантности.

Опора на безликую в культурно-историческом смысле основу может сформировать очень широкую идентичность, но это будет функциональная идентичность потребителя как такового, который терпим абсолютно ко всему, что не касается удовлетворения

¹ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. С. 100–153.

его индивидуальных потребностей. Как отмечает Ж. Бодрийяр: «Управляемое овладение объектами и благами потребления является индивидуализирующим, десолидаризирующим, деисторизирующим»¹. Сфера духовных интересов, духовного творчества при этом постоянно сужается: «В век ширпотреба нет его неба, доля художников хуже калек». Напротив, лозунг «Хлеба и зрелищ» звучит все громче.

Как это очевидно, функциональная идентичность соответствует идее смерти субъекта, предложенной в философии постмодернизма. Умирая, субъект лишается субстанциальной глубины, лишается багажа общих идей, представлений, ценностей, норм. Таким образом, Ж. Бодрийяр, по сути, делает вывод, что человек общества потребления во многом лишается и культурно-исторической, и биографической идентичности. (Понятно, что такая смерть субъекта представляет собой одно из направлений развития — в действительности субъективность человека не может умереть полностью.)

Здесь шла речь о субстанциальном аспекте субъективности. Что касается динамического аспекта, то способность желания нацелена на вещь и опосредствована включенностью индивида в функциональный механизм общества. Тем самым индивид может потребить вещь, если он выполняет определенную функцию, а это означает, что он находится в функциональной зависимости, является зависимой переменной. Индивидуальность и в этом отношении лишается собственного центра идентичности, поскольку она включена в цикл потребления.

Глубокое теоретическое обоснование такого понимания идентичности дал видный представитель философии постмодернизма Ж. Делез. В работе «Логика смысла» он строит теоретическую модель социума, в которой субъект (Я) должен умереть, поэтому термин «идентичность» (самотождественность) активно используется. Делез прокламирует возможность «универсальной коммуникации событий», характерной для функционального общества, и соответственно функциональной идентичности. Универсальная коммуникация событий имеет место тогда, когда возможны любые события. Эта мысль излагается следующим образом: «Мы пытались выяснить природу алогичной возможности и невозможности событий. Но по мере того, как утверждается расхождение, а дизъюнкция становится позитивным синтезом, создается впечатление, что все события — даже противоположные — возможны, что они “интер-выразительны” (s’enter’ expriment). Невозможность появляется только вместе с индивидуальностями, личностями и мирами, в которых события осуществляются, но не между самими событиями или между их *акосмическими, безличными и доиндивидуальными* сингулярностями»².

Чтобы такое состояние стало действительным, индивидуальность (речь может идти и о личност-

ной, и о культурно-исторической индивидуальности) должна отрешиться от своей идентичности; точнее говоря, эта идентичность должна стать функциональной. Делез недвусмысленно пишет об этом: «Индивидуальность должна осознать саму себя как событие, а осуществляющееся в себе событие — как другую индивидуальность, как бы привитую на первой. Если это удастся, то ее понимание, желание и представление этого события становится пониманием и желанием прочих событий как индивидуальностей и представлением всех других индивидуальностей как событий»³. При этом возникает то, что Делез называет единоголосием, то есть появляется полный внутренний резонанс в универсальной коммуникации событий. Существование любых событий служит необходимым условием такого единоголосия.

Следует обратить внимание на то, что делезовской модели универсальной возможности событий соответствуют совершенно определенные мировоззренческая и социальная модели. Он делает следующий вывод: «Расхождение утверждаемых серий [событий. — А. Т.] образует уже “хаосмос”, а не мир; пробегающая по ним случайная точка образует контр-Я, а не Я; дизъюнкция, понятая как синтез, меняет свой теологический принцип на принцип дьявольский. Именно децентрированный центр прочерчивает между сериями и для всех дизъюнкций безжалостную прямую линию Эона — то есть дистанцию, на которой изгнанные Я, мир и Бог выстраиваются в линию: Большой Каньон мира, “крушение” Я и расчленение Бога»⁴. Таким образом, по сути, делается вывод, что все устойчивые структуры человеческого бытия должны исчезнуть, на смену им придет свободное общество безличной коммуникации, которое похоже на модель свободного анархического общества, предложенную П. Фейерабендом, и в которой реализован принцип “anything goes”.

К слову можно заметить, что Древний Рим, после того как идентичность его населения стала функциональной идентичностью потребителей и стал господствовать лозунг «Хлеба и зрелищ», очень быстро исчез с арены мировой истории.

Исходя из уже изложенного, думается, что фундаментальной задачей является формирование оснований для ведения активного паритетного межкультурного взаимодействия на базе единства культурно-исторической и биографической идентичностей. Это уже задача образования, в том числе и высшего.

Что касается понимания смысла образования, то здесь имеется в виду образование как таковое, а не профессиональная подготовка к какому-то определенному виду деятельности. Образование как таковое состоит в формировании отдельного человека как личности, в том, чтобы он усвоил общие принципы, законы, правила, идеалы и ценности, руководствуясь собственным мышлением. Об-

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, Культурная революция, 2006. С. 116.

² Делез Ж. Логика смысла. М.: Издат. центр «Академия», 1995. С. 213.

³ Делез Ж. Указ. соч. С. 214.

⁴ Там же. С. 212.

разованный человек может рассмотреть предмет с общих точек зрения и, следовательно, выявить его существенные основы.

Следует обратить внимание на различия и между общим средним и высшим гуманитарным образованием. Для общего среднего образования характерно формирование, прежде всего, определенной картины окружающей природной и социальной действительности. Личность школьника рассматривается скорее как объект воспитания, как нечто еще не вполне самостоятельное. Особенность высшего гуманитарного образования, напротив, состоит в развитии рефлексивной функции мышления. Такие дисциплины, как философия, психология, культурология, направлены на формирование осмысления и осознания предпосылок и форм деятельности личности как таковой. Они дают возможность раскрыть специфику духовного мира человека, его внутреннее строение, развить критическое отношение к собственной деятельности. Такое понимание своей личности базируется на стремлении постичь предельные основания человеческого бытия, человеческой культуры в целом.

Благодаря сформировавшейся способности к рефлексии на основе имеющихся общих теоретических и ценностных понятий появляется возможность ведения межкультурного сравнения, а не просто противопоставления своей культуры чужой культуре. При этом сравниваются не поверхностные внешние свойства той или иной культуры, а ее существенные признаки

Осознание чего бы то ни было, то есть рефлексивное порождение понимания общих смыслов сходных предметов, состояний, действий и тому подобного возможно именно тогда, когда высказываются нетождественные суждения об одном и том же предмете, то есть в дискуссии как форме конфликта. В дискуссии происходит сравнение, а оно дает основания для рефлексии. Без сравнения осознание собственных ценностей не представляется возможным, другого способа структурирования самосознания в человеческом мышлении, видимо, нет. Роль дискуссии-конфликта как раз состоит в том, что посредством ее ценности переводятся с индивидуально-психологического уровня на социальный уровень.

Дискуссия, проходящая внутри определенного типа культуры, имеет существенные отличия от дискуссии в межкультурном диалоге. В первом случае речь может идти о лучших способах и степени совершенства выражения того, что считается подлинно ценным, а во втором — о смысле самих базисных

ценностей данного культурно-исторического образования, поскольку они сравниваются с базисными идеями культуры другого типа.

В дискуссии ценность высказывается. Таким образом, благодаря выражению ее сути с помощью языка в ней высвечивается общезначимый смысл. Он позволяет данной ценности существовать как некоторому личностному убеждению. Ценность в убеждении соотносена с иным и благодаря этому становится как предметом самосознания, следовательно, получает общественную значимость. Именно таким путем непосредственное переживание реальности превращается в ее оценивающее осмысление.

Таким образом, в сфере высшего образования, очевидно, ставится более сложная задача. Она состоит в формировании осознанной способности к ведению межкультурного диалога, способности к активному межкультурному взаимодействию. Для того чтобы она успешно решалась, требуется, чтобы студенты ясно и отчетливо осознавали свою культурную идентичность, понимали духовные основы своей культуры. Они должны обладать знаниями об основных типах культур и тех базисных ценностях, на которых эти культуры основываются. Соответственно также требуется сформировать умение оценивать межкультурную дистанцию и наличие межкультурных барьеров. Такой анализ духовных оснований определенной культуры позволяет сформировать определенные содержательные предпосылки для ведения межкультурного диалога. Благодаря этому межкультурные барьеры могут быть преодолены. Поиск общего поля межкультурного взаимодействия может быть успешным.

Межкультурный диалог способствует не только лучшему пониманию других культур, но и заставляет заниматься анализом смыслов и ценностей собственной культуры, служит эффективным средством культурного самопознания, постижению глубин своей собственной культурно-исторической идентичности. Поскольку выделяются элементы и отношения в другой культуре, то требуется осознать и аналогичные элементы и отношения своей культуры. Заметим, что, например, древнегреческая философия возникла на границе разных культур. При этом некоторые исследователи полагают, что ее возникновение связано в том числе и с необходимостью создания инструментария для межкультурного диалога. Вместе с тем философия сыграла ведущую роль и в самопознании основ своей культуры самими древними греками. Эту роль она выполняет и в современной духовной жизни.